

Глава 32. Время пить суп

День выдался ясным — лавка семьи Се официально открылась. Ассортимент пока был пестрым, поэтому и название выбрали незамысловатое: «Продаём еду».

Прилавком служил длинный стол, который поначалу перегораживал половину прохода. Лу Ян вместе с Се Янем поднатужились и развернули его, приставив вплотную к стене. Сверху расставили неглубокие плетёные корзины, доверху наполненные семечками, арахисом и сочными красными финиками.

У самого края стола, поближе к выходу, Лу Ян оставил свободное место. Там он установил жаровню, на которую водрузил котёл с несколькими ярусами пароварок. Пышные баоцзы, приготовленные на кухне, теперь томились здесь, окутанные аппетитным паром. Чуть поодаль стояла скамья — здесь можно было присесть, чтобы присматривать за товаром, зазывать покупателей и греться у огня.

Напротив жаровни, прямо у входа, Лу Ян поставил две корзины одну на другую, чтобы было повыше, накрыл их круглым подносом и выложил свежую редьку и капусту. Мимо такой витрины не прошёл бы ни один прохожий.

Закончив с обустройством, Лу Ян принялся водить Се Яня по улице туда-сюда. Он придирчиво оценивал лавку с разных сторон, проверяя, как она смотрится издали и под каким углом лучше видны овощи.

Се Янь лишь молча наблюдал, не понимая всех этих тонкостей, а Лу Ян тем временем раз пять переставлял жаровню и полки, пока наконец не остался доволен идеальным порядком. Только тогда он позволил себе присесть. Впрочем, внутри ему не сиделось — он то и дело выбегал наружу, не в силах сдержать радости.

Это была их собственная лавка!

Теперь заработанные деньги будут оседать в его руках. Он сам себе хозяин: как захочет, так и наладит дело, в какой час пожелает, в такой и откроет двери.

Холодный ветер им был нипочём. Натянув шапки и спрятав руки в рукава, супруги пристроились на корточках возле лотка с овощами, провожая взглядом редких прохожих. Стоило кому-то показаться на горизонте, как Лу Ян тут же вскакивал и принимался зазывать:

— Покупайте овощи! Свежая редька, сладкая капуста!

Если кто-то проявлял интерес, он тут же развивал бурную деятельность. А когда улица пустела, снова садился рядом со своим чжуаньюанем.

Се Янь тоже пытался подавать голос, но в его призывах явно не хватало того задора и искры, что были у супруга. Ему очень хотелось быть полезным, и Лу Ян, заметив это, воодушевленно заговорил:

— Скоро праздник Лаба, народу на ярмарке прибавится. Нам нужно купить побольше красной бумаги. Ты напишешь праздничные парные надписи «дуйлянь», иероглифы «счастье» и «радость». А вырезать оконные узоры умеешь? Если да, то и их наделаем, я всё на рынке распродам. А остатки бумаги отдашь мне — я обклею ими фасад лавки. Представь: всё кругом красное, яркое — сразу видно, что у нас праздник!

Раньше Лу Ян уже проворачивал нечто подобное: в деревне он из обрезков красной бумаги выложил огромный иероглиф «Чэнь» на стене их соевой мастерской. Старина Чэнь тогда от счастья места себе не находил.

Но для своей лавки он задумал кое-что поинтереснее. Он хотел выклеить названия товаров, чтобы каждый прохожий с первого взгляда понимал, чем здесь торгуют. В уезде хватало грамотных людей, а те, кто не учился в школах, всё равно узнавали иероглифы на вывесках.

«Буду зазывать покупателей и заодно учить их грамоте, — мечтал Лу Ян. — Покажу, где написано „мясные баоцзы“, а где — „семечки“. Такое точно запомнят, и наша лавка быстро станет самой популярной!»

А где популярность, там и торговля. Будет торговля — появятся деньги. Будут деньги — он отправит своего чжуаньюаня в лучшую академию. А сам... сам он будет спать один на огромном кане и ворочаться с боку на бок хоть всю ночь напролёт!

«Ха-ха-ха! Вот это будет жизнь!»

Пока он делился планами с Се Янем, его мысли уже унеслись далеко за горы и моря. Се Янь что-то долго говорил, но, не дождавшись ответа, заметил, что Лу Ян смотрит куда-то вдаль и весело, заливисто смеётся.

Дождавшись, пока супруг вернётся в реальность, Се Янь мягко произнёс:

— Написать надписи — не проблема, я потренируюсь дома. А вот узоры вырезать не умею. Зато матушка мастерица в этом деле.

— Раз матушка умеет — ещё лучше! — обрадовался Лу Ян. — Пусть занимается делом, а то мы целыми днями пропадем, ей одной дома тоскливо, небось, всякие мысли в голову лезут.

Когда человек занят, ему не до пустых раздумий. Лу Ян был в прекрасном расположении духа, и на всё у него находилось бодрое «хорошо». Заразившись его настроением, Се Янь тоже невольно заулыбался — мир вокруг казался ему теперь на редкость уютным.

Овощи Лу Ян выставил скорее для привлечения внимания, не надеясь на большую прибыль, но, к его удивлению, покупатели повалили гурьбой. И брали не по чуть-чуть, а сразу по пятьдесят цзиней.

Всё логично: овощи нужны каждый день, а к праздникам цены на них всегда ползут вверх. Лу Ян, выросший в уезде, прекрасно знал эти порядки. С приближением Малого Нового года мясо и зелень станут на вес золота. Это самое прибыльное время, но он не мог так рисковать — если товар не распродается в срок, на обучение Се Яня денег не хватит.

Овощей, что они привезли с собой, было немного. К счастью, Лу Сун оказался парнем работающим: как только перестал идти снег, он собрал весь урожай и пригнал целую телегу. Увидев, как быстро расходуется товар, он тут же поспешил обратно в деревню за новой партией.

Вторую телегу пригнали уже вдвоём — Лу Бай пришёл на помощь брату, одолжив у родственников осла. Только после трёх полных возов в лавке образовался приличный запас.

Се Янь уже освоился и вовсю помогал: приглашал братьев выпить горячего чаю, чтобы согреться, и, следуя наказу Лу Яна, угощал их мясными баоцзы.

Лу Сун, зная, что один такой пирожок стоит целых пять монет, поначалу стеснялся, а вот простодушный Лу Бай, откусив кусок и добравшись до сочной начинки, так и замер:

— Мясо! Это же настоящие мясные баоцзы!

Глядя на его ошарашенный вид, Се Янь лишь покачал головой. Лу Ян часто называл его самого «чурбаном», но теперь Се Янь воочию увидел, что такое настоящая деревенская простота.

Лу Сун смущенно прикрыл лицо рукой. Раз уж младший брат вовсю уплетал угощение, он тоже решил не церемониться.

Братья не спешили уезжать — решили дождаться закрытия лавки и вернуться в деревню вместе с супругами.

Лу Ян крутился как белка в колесе. Каждому покупателю он успевал рассказать и про основные товары, и про сопутствующие.

— Главное у нас — баоцзы! Тонкое тесто, горы мяса! А к ним возьмите семечек или фиников. Через пару дней привезём рис и муку, цена будет как везде, зато рядом с домом. Заходите, соседи, не пожалеете!

И добавлял с гордостью:

— Мой муж — уважаемый учёный-сюцай. Скоро начнёт писать праздничные надписи на продажу. Для соседей сделаем по-свойски: возьмём только за бумагу и тушь, прибыли нам с вас не надо!

Конечно, люди понимали: торговля без прибыли не бывает. С чего бы это учёному мужу корпеть над бумагой задаром? Но слова Лу Яна звучали так сладко и уважительно, что все довольно кивали и обещали заглянуть.

Вскоре запасы снова начали таять. Лу Ян отправил Лу Суна и Се Яня за новыми закупками. Семечки и орехи он брал в одной и той же лавке. Ему пришлось стереть язык в кровь, чтобы выторговать низкую цену — такую же, как у бродячих торговцев. Но поскольку брал он всего по пять цзиней каждого вида, прижимистый лавочник при взвешивании только глаза закатывал от досады.

Лу Сун впервые видел такие торги и позже, по дороге, спросил Се Яня, как Лу Яну удалось договориться.

— Он сказал ему: «Считай, что ты открыл ещё один филиал, не потратив ни гроша», — процитировал Се Янь.

Лу Сун только и смог, что покачать головой: «Ну и ну, хитро закручено».

Когда сухие товары были расставлены, а баоцзы почти распроданы, Лу Ян почувствовал такое облегчение, что улыбка не сходила с его лица.

— Тот лавочник совсем не умеет вести дела, — ворчал он, хотя глаза его сияли. — Другим он делает скидки за объём, а я вроде как помогаю ему сбывать товар, так он за каждую монету трясётся, будто я его жизни лишаю. Грецкие орехи и каштаны так и не отдал, и сушёного лонгана у него не нашлось. В следующий раз поищу другого поставщика.

Впрочем, сотрудничать им всё равно придётся — Лу Ян пообещал выкупить по сто цзиней каждого товара частями. Только наличие собственной лавки убедило хозяина склада отпустить товар в долг.

Се Янь попытался его успокоить:

— Не сердись. У него дела идут куда хуже, чем у нас. Мы с братом Суном зашли — ни одного покупателя, кроме нас.

Лу Ян лишь рассмеялся:

— Эх ты, недотёпа! Такие лавки стоят на отшибе специально для оптовиков, розничных покупателей там и не ждут. Это бродячие торговцы снуют по улицам, заглядывая в каждый

переулок. А у нас — точка постоянная. Мы заманили людей овощами, а они, пока выбирали капусту, увидели семечки. Захотелось чего-нибудь погрызть на досуге — вот и купили. Если бы к ним в двери постучал разносчик, они бы у нас ничего не взяли.

Зимой бродячие торговцы редко выходят на улицу, и Лу Ян умело воспользовался этим затишьем. Се Янь, быстро сообразив, к чему клонит супруг, спросил:

— А в деревне семечки и арахис купят?

— Конечно купят! — уверенно ответил Лу Ян. — Вот сегодня и возьмём с собой!

Они закрылись на час раньше обычного. В лавке пока никто не оставался на ночь, поэтому весь товар забирали с собой. Остатки овощей Лу Ян решил распродать по дороге.

Пока они шли по улице, он продолжал зазывать прохожих. Овощи разошлись мгновенно. Заодно он напоминал всем адрес лавки и предлагал семечки. К моменту выхода из города остались только финики.

Лу Сун удивленно спросил:

— Неужели овощи так легко продать? Мы раньше часами на рынке стояли, и всё равно цену сбивали.

Лу Ян потёр занемевшие от долгой улыбки щеки.

— Это они нарочно. Видят, что вы из деревни, прошли долгий путь с тяжёлой ношей. Не потащите же вы её обратно? Вот и дают, знают, что вам хоть какие-то деньги нужны, чтобы окупить дорогу. На этом и играют.

В лавке всё иначе: не хочешь — не бери, товар места не просит. А еда всегда в цене, особенно зелень. Мясо не каждый день на столе увидишь, а без овощей никуда. Даже для солений они нужны.

Лу Сун примолк, осознав, насколько коварны городские жители.

Се Янь, заинтересовавшись, спросил у брата:

— А как вы раньше торговали?

— Да мы уже пару лет ничего не продавали, — пустился в воспоминания Лу Сун. — В доме трое мужиков, аппетит у всех будь здоров. Мяса нет, так хоть овощами наедаемся. Продавали

только излишки, когда на ярмарку выбирались. Но платить за место на рынке невыгодно, вот и бродили по улицам. Если везло встретить честного покупателя — брали сразу. А чаще бывало, как Ян-гээр говорит: намотаешь круги, устанешь и отдашь за бесценок, лишь бы не тащить назад.

— Я как-то дрова продавал, — вставил Лу Бай. — Целую телегу привёз, а мне за неё всего двадцать монет предложили.

При цене в девяносто монет предложить десять — это уже не торг, а чистое издевательство.

Лу Ян неловко коснулся кончика носа. Он ведь и сам, работая у Чэней, занимался тем же самым. Старина Чэнь каждую копейку берёт, и Лу Яну приходилось выжимать из торговцев все соки. Сколько косых взглядов он тогда поймал — не счесть. Но теперь всё в прошлом. У него своя лавка, и он сам решает, как тратить и как зарабатывать.

— Когда вернёмся, заходите к нам, — сказал Лу Ян братьям. — Посчитаем выручку и разделим деньги. Людям нужно отдать плату за овощи, чтобы они и дальше их собирали. Брат Сун, если хочешь, можешь заглянуть в деревню Чэньцзявань или в деревню Ли.

За сбор овощей он решил платить больше — не пятнадцать монет, а побольше. Насколько именно, Лу Ян ещё должен был прикинуть.

Лу Сун кивнул. Овощи — товар сезонный: выкопал редьку — осталась ямка, срезал капусту — остался корень. Это не чеснок, который снова отрастёт.

Они вышли из города пораньше, но когда добрались до деревни, уже начало смеркаться. Лу Ян тут же принялся за подсчёты.

Сначала — овощи. Братья привезли три полных воза: двести сорок три цзиня капусты и сто шестьдесят цзиней редьки. Капусту продавали по пять монет, редьку — по полторы. С учётом всех округлений вышло тысяча четыреста пятьдесят семь монет.

Как и договаривались, половину Лу Ян забирал себе. Чтобы не путаться в расчётах, он решил: «Сегодня отдам тебе на одну монету больше, в следующий раз заберу».

Он отсчитал Лу Суну семьсот двадцать девять монет. Руки его работали споро — он на ощупь знал количество медяков. Пока считал, нанизывал их на бечёвку: семь связок по сто монет и одна — в двадцать девять.

Получить за день семьсот монет — для Лу Суна и Лу Бая это было неслыханным богатством. Они сияли от счастья, пока Лу Ян не охладил их пыл:

— Не забывайте, что это на всех. Каждой семье достанется по несколько десятков монет.

Братья приуныли.

За две ходки в город Лу Ян решил заплатить им по тарифу городских рабочих — двадцать четыре монеты в день. Лу Баю, который сделал один рейс, он отсчитал пятнадцать.

Тот заартачился:

— Да я же просто помочь пришёл! Брат сказал, что овощи быстро уходят, вот я и подсобил. Не надо денег.

— Бери, — отрезал Лу Ян. — Помощь помощью, а в делах всё должно быть чётко. Поработал — получи.

Братья пытались отказаться, напоминая про съеденные баоцзы, но Лу Ян только рассмеялся:

— Родным братьям пару пирожков пожалеть? Я вас даже обедом не накормил, вернётесь голодными — дядя Да-хэ и дядюшка А Цин меня за невоспитанность отчитают.

Этого точно не случится. В деревне все сидят без дела, а братья принесли в дом живые деньги — родные будут только рады.

Долго засиживаться они не стали: в темноте по деревне ходить неудобно. Проводив их, Лу Ян занёс данные в книгу учёта. После вычета всех расходов чистая прибыль с овощей составила шестьсот семьдесят девять монет.

Се Янь всё это время молча сидел рядом, наблюдая за ним. Когда Чжао Пэй-лань заглянула в комнату и увидела стол, усыпанный медью, она от удивления даже глаза округлила. Супруги дождались, пока Лу Ян закончит, и только тогда заговорили.

— Ян-гээр просто невероятен, — с нежной гордостью произнёс Се Янь. — За один день заработать почти целый лян серебра!

Лу Ян сиял, глаза его превратились в узкие щелочки от удовольствия.

— Даже чуть больше одного лян!

Овощи от матушки Ша Чжу принесли ещё сто тридцать одну монету чистой прибыли. Платить ей за работу Лу Ян пока не спешил — он копил эти деньги для «сокрушительного удара», чтобы они сыграли свою роль в нужный момент. Он ничего не забыл и не простил, его дружба с этой семьёй имела чёткую цель.

Сухие товары принесли тридцать семь монет прибыли. Немного, но это ведь только начало. За месяц набежит приличная сумма.

Баоцзы тоже не подвели. Сделали шестьдесят штук, четыре съели сами, остальные ушли по пять монет. Чистая прибыль составила сто пятьдесят четыре монеты.

Итого — тысяча пятьдесят монет.

Лу Ян не обольщался. Он знал, что торговля — штука капризная, и не каждый день будет таким удачным. Сегодня выручку сделали овощи, а это товар временный. Зато они послужили отличной рекламой.

— Главное — баоцзы, — рассуждал он. — Людям нравится, всё раскупают. Сухие товары — хорошее подспорье. А если Ло Да-юн договорится о поставках муки и риса по хорошей цене, наше дело станет по-настоящему крепким!

Он решил на днях напечь баоцзы и угостить Ло Да-юна и его товарищей из ямэня. Когда стража заглядывает в лавку перекусить, никакие уличные задиры не посмеют и близко подойти.

Первый день превзошёл все ожидания.

Вечером они устроили праздничный ужин с мясом. А когда вернулись в свою комнату, Лу Яна и Се Яня ждало ещё одно «угощение» — на этот раз только для двоих.

Се Янь вдруг начал капризничать. «Пить суп — так пить суп», — решил Лу Ян, но супруг заупрямился, требуя, чтобы тот не отводил взгляда. Пришлось оставить свечу зажжённой. Под пристальным, полным нежности взглядом Се Яня Лу Ян почувствовал, как лицо его заливают густая краска.

От этого «куриный суп» казался ещё слаще и наваристей — выпив одну чашу, хотелось немедленно потребовать добавки.

<http://bllate.org/book/16991/1587972>